

С ПЕРВОМАЕМ!

Кумачевые флаги
недаром
На фасадах домов
зацвели.
Это первым весенним
пожаром
Загорается сердце
земли.
Это первым весенним
разливом

Затопило простор
площадей —
Я влюблен в наших
самых красивых
Самых радостных в
мире людей.
Пусть всю жизнь
Им сопутствует радость
И счастливая юность
весной..
Мне сегодня шагать с
ними рядом
В первомайских
колоннах страны.

ВТОРАЯ ВЕСНА

На стройку пришла весна. Вторая весна в ее жизни. И как же изменилась строительная площадка за этот незаметно промелькнувший трудовой год! В цехах — уют и чистота, приятно пахнет свежей краской. Многие сложные машины, смонтированные крепкими руками монтажников, держат экзамен, чтобы получить путевку в жизнь. Они находятся в стадии обкатки.

Комплекс капролактама переживает ответственные дни: он вплотную подошел к пуско-наладочным работам. И недалек тот день, когда с подъездных путей химкомбината отправится в путь первый эшелон с кемеровским ладамом.

Апрель принес с собой не одну победу слаженному коллективу строителей комплекса. Закончены работы на градирне 14-го водооборотного цикла, комиссия подписала акт о приеме корпуса 981 и т. д.

Хочется сказать доброе слово о тех коллективах монтажников, изоляровщиков, строителей, чьими усилиями создан грандиозный комплекс — совершенное предприятие, оснащенное новейшим оборудованием. Славно потрудились многие бригады. Коллектив, который возглавляет т. Пугин, вложил всю силу, всю рабочую страсть в монтаж оборудования насосной. Бригада П. Шабалова, не считаясь с трудностями, непогодой, а подчас и опасностью, в сравнительно короткий срок произвела обшивку градирни, выполнив попутно массу другой работы.

Кузбасс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОРГАН

КЕМЕРОВСКОГО ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО КОМИТЕТОВ КПСС, ОБЛАСТНОГО И ГОРОДСКОГО СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

№ 73 (158).

Воскресенье, 29 апреля 1962 г.

Выездная редакция на стройке комплекса капролактама.

ВЕРШИНА ВЗЯТА!

Закончился апрель — месяц окончания монтажа комплекса капролактама, одного из важнейших объектов «Большой химии». Характерной особенностью этого периода является предельно сложная работа всех специализированных организаций и строуправлений треста «Кемерово-химстрой». Оставались «необъемные», незначительные работы, которые можно было произвести только при большой оперативности и согласованности всех организаций, строящих комплекс. Время последовательного выполнения заданий исчислялось уже не днями, а часами.

И задача была выполнена. Большую роль сыграл оперативный штаб стройки, руководимый директором химкомбината Г. А. Систером, управляющим трестом «Кемерово-химстрой» Н. А. Малининым, начальником Кемеровского монтажного управления т. Топкасовым и секретарем Заводского РК КПСС тов. Лебедевым.

Итак, монтаж грандиозного комплекса — комплекса капролактама — закончен. Прделана громадная работа. Смонтированы десятки сложнейших химических аппаратов, 11 компрессоров (из них 5-высокого давления), уложены сотни километров коммуникаций, кабельных

линий; смонтировано несколько сложных электроподстанций, десятки современных щитов кипа и автоматики, многие сотни насосов, различных приборов и т. д.

Что же осталось сделать, чтобы можно было произвести наладку производства на сырье и получать готовый продукт?

Первое. Трест «Кемеровотрансдорстрой» должен закончить устройство дорог, подъездов и планировку территории. Насколько аккуратно и чисто отделаны корпуса внутри, настолько неблагоустроены они снаружи.

Дороги и общая планировка объекта — это самый большой и больной вопрос стройки на сегодняшний день. Тов. Ольховскому необходимо приложить максимум усилий для завершения этих работ.

Немало еще работы осталось у «Термоизоляции» (руководитель т. Опришко). Изоляровщикам надо выполнить ее в самые короткие сроки.

Май — месяц работ по комплексному пуску и наладке всего оборудования и коммуникаций на воде, воздухе, азоте и паре и в ряде случаев — на рабочих средах. Здесь все будет зависеть прежде всего от эксплуатационников, от их ор-

ганизованности, а также от качества и аккуратности монтажа оборудования и коммуникаций.

Что же происходит в отдельных корпусах? Большим успехом является окончание монтажа и пуск водооборотного цикла с градирней. Капролактама получил воду — определяющую весь пуск производства. Готовится к принятию аммиака аммиачно-холодильная установка. Здесь произведены обкатка шести компрессоров, комплексное испытание всей системы трубопроводов на плотность. Ожили межцеховые коммуникации. В цеха поступают пар, азот, топливный газ и т. д. Опробованы и включены в работу подземные коммуникации: водопровод, фекальная канализация, коммуникации кислотно-грязных стоков, оборотной воды и пром-ливневой коллектор.

На склады корпусов 977, 951 завезено сырье. В корпусе очистки экспансерного газа начата подготовка и загрузка очистной массы в серочистные башни. Обкатано оборудование, продукты и проверены коммуникации на паре и азоте в цехе 981. Остались работы по доведению на нейтральном газе оборудования до рабочего состояния, после чего можно будет принимать сырье.

Произведена комплексная обкатка цеха сульфата аммония, проверены на плотность все технологические коммуникации, обкатано оборудование. В последние дни развернулись работы по ревизии насосного оборудования в корпусах 982 и 983, которые проводит персонал эксплуатации совместно с работниками КМУ-1.

Окончание работ по получению водорода, а также работ по наладке и испытанию оборудования неразрывно связано с пуском капролактама в целом. И если сейчас ряд корпусов готов к пуско-наладочным работам, то такие объекты, как корпуса 626 и 603 требуют очень большого внимания. Здесь необходимо произвести испытания газгольдера и связанную с ним обкатку газодувок.

Д. ОБЧИННИКОВ,
главный инженер
УКСа химкомбината,

ЧЕЛОВЕК ИДЕТ ПО ЗЕМЛЕ

ОЧЕРК

нула в его глазах:

— А ну, хлопцы, закусим. Чтоб время зря не пропадало.

Ребята развернули свои узелки. Кто-то решил идти в буфет — за ним потянулись другие. Лобанов, прихватив с собой одного из каменщиков, поехал на растворный узел — там с бетономешалкой не ладилось. В раскомандировочной осталось человек пятнадцать. В углу, у печки, уже немолодой рабочий, положив на колени узловатые руки, говорил глуховатым голосом:

...Смотрим мы, значит, и видим: то ли леса от стены отходят, то ли стена от лесов. В общем что-то покачивается. А тут еще в очках кто-то пришел. С огвесом. Влез на стену, проверять начал. И как это она, бедная, сразу не загремела! Ушел очкастый и рухнула стена. Конечно, никто не пострадал, вот только зарплата...

Все понимающие расхохотались.

Рой одобрительно посмотрел на рассказчика, подумал: «Молодец, Толька, — настроение у ребят поднимает». Смахнул ладонью крошки со стола. Вытащил из кармана бумажку, протянул ее ребятам:

— Поинтересуйтесь.

— Читай, потребовали они.

И Рой начал читать:

«...Коллектив коммунистического труда Петра Вихляева из СУ-2 вызывает на соревнование бригаду Николая Роя... Рой сделал передышку, обвел глазами ребят. Те молчали. Каждый из них знал, что бригада Вихляева — крепкий рабочий коллектив. И лучше всего об этом знал сам Рой. Ведь это он был вожаком этого знаменитого коллектива в те дни, когда бригаде присвоили звание коммунистической...»

— Посоревнуешься тут, — кто-то откликнулся из угла.

— Вчера — два часа, сегодня — полсмены баклуши-бьем. Заработаешь за день рубль с половиной — перед женой стыда не оберешься. Она — штукатур, а денег в дом больше приносит. Про меня думает — пропиваю. Пропьешь тут...

И опять расхохотались ребята:

— Не повезло тебе, парень, с женой...

— Читай условия, — снова попросили Роя каменщики.

И Рой опять развернул листок.

— Выполнить годовой план к октябрю, освоить каждому не менее двух строительных специальностей, неустанно повышать свой технический и общеобразовательный уровень, — читал бригадир...

Через несколько минут к мастеру Евгению Овчинникову подошли пятеро:

— Пиши характеристики на всех. В техникум думаем поступать...

ЭТО БЫЛА наша первая встреча с Николаем Роем. Помню шапку его из красной кожи с опущенными ушами, с длинными тесемками. И лицо его помню: суровое, будто высеченное из камня, обветренные губы, крупный нос. А потом оно добрело как-то хорошо и неожиданно: и тогда это был настоящий Коля Рой — милый и душевный парень.

И вот сейчас, перелистывая старые блокноты, я читаю записи, короткие и длинные, посвященные Рою и его бригаде. Вот, например, разговоры, которые слышал и записал почти дословно:

— И ты, Злобин, в техникум надумал? Говорят, там на экзаменах ужас как строго спрашивают. Вдруг не выдержишь?

— Выдержу.

— Ишь, какой приткий. А почему на работе такой вареный?

Злобин опускает глаза, густо краснеет. Рой чувствует, что перехватил, кладет широкую ладонь на плечо товарища:

— Ты, Миша, обижаться брось. Это я так, в шутку. Завидую я вам здорово. Ты еще совсем парнишка, а гляди, десятилетку кончил, в техникум вот собираешься. И техникум кончишь. А я вот в шестой класс хожу. Арифметику осилил — алгебру зубрю. Трудно, брат, а надо...

Оба долго молчат. Потом Злобин задает Рою неуместный вопрос:

— А почему ты именно с шестого класса начал?

— Я, Миша, с четвертого класса вечерней школы начал, с двоек начал. Вот семилетку кончу — тоже в техникум пойду. Боюсь только, что для техникума семи классов маловато будет. Ну да ничего, я упрямый...

Разговор этого же дня:

— Ты что, комсорг от жизни отстает? Ребята в техникум заявления подают, а ты притих со своим неполным средним. Ей-богу, обойдут они тебя в грамоте — и переизберут. Как пить дать, переизберут.

И, минуто помолчав, вспоминает светлее лицом:

— Эх, был у меня комсорг Валерка. Начитанный был, стихи хорошие наизусть читал. На собраниях выступал здорово. Хлопцы его уважали. Он у меня в бригаде, вроде заместителя был по политической части.

РОЙ удивительно чутко относится к людям. Немного грубоватый по характеру, он по-детски трогательно переживает неудачи своих товарищей, не лезет в тяжелые для них минуты с расспросами, но зато потом неизменно помогает им советом, а чаще — делом. Особенно нежен он с ребятами, часто бывает в подшефной школе, с которой соревнуется его бригада. Это он подбил товарищей купить ребятишкам с полочки шахматы, гитару и балалайку, это он как на большой праздник идет на школьные вечера. Как-то Рой рассказывал об одном из таких вечеров:

— Окружили меня малыши. Про мою биографию пытаться начали. А жизнь у меня не веселая была — хвалиться нечем. Рассказал им всю правду. Про то, как нас в семье двенадцать душ было, про то, как отцу с матерью лиха хлебнуть пришлось. Трудно мы тогда жили. На троих пацанов один штаны и те с дырками. Один носит — двое на печке сидят, очереди дожидаются. В школу из-за этого не ходили. Я до войны три класса кончил, потом работать пошел. Пастушонком. Подросток — на тракториста выучился. Потом в армию взяли. Так вот в Сибири и оказался...

Года три назад побывал я в родных местах. Не узнать теперь нашу станцию Павловку — городом стала. Много больниц, яслей понастроили. Дворец культуры, завод сахарный... Хорошо там — снега нет. Родные мне пишут, что у них в этом году в феврале деревья начали распускаться.

А я не верю: чудно как-то, у нас в Сибири — стужа лютая, а там — цветы...

Ребятишки мой рассказ с открытыми ртами слушали — видно, интересно было. Часа два толковал я им про свою биографию. Их уморил и сам устал: не привык к докладам. Все жалел, что Валерки моего рядом нет — выручил бы...

ТАК уж вышло, что за полтора этих года я встречался с Роем и его бригадой не меньше раза в неделю. А то и чаще. Мне все больше и больше нравились его ребята, нравились сам Рой. Бригада работала здорово. Ее хвалили на стройке, доверяли самые ответственные работы. Бывший начальник СУ-1 Капош-ко, хмуроватый, скупой на похвалы человек, и тот говорил:

— У Роя народ надежный. Про его ребят в газету писать надо. Да и сам Рой очень толковый бригадир...

Да, Рой был толковым бригадиром. Это ему, а не кому-нибудь другому, удалось из самой разношерстной массы рабочих сколотить крепкую, ударную бригаду. А ведь в этих ребят до него никто не верил. Были они на стройке на положении временных — все равно, мол, рано или поздно разбредутся. И потому бригаду эту называли очень обидным словом «сброд».

И вот пришел в этот коллектив Рой. Что он делал, как «колдовал» — это его «секреты». Наверно, недаром воспитал он за последние годы добрый десяток таких вот бригад, видно, недаром называют его в тресте «профессором».

Конечно, можно было бы писать целую книжку о «секретах» бригадирства Николая. Да к стати она у него и написана. Называется — «Для себя, для общества». Книжка эта вышла год назад в Кемеровском издательстве. Знатный бригадир делится в ней опытом своей работы. Хорошая это книжка, полезная. Рою было в ней о чем рассказать...

Нет в этой книжке одного — самого Николая Роя, веселого, улыбающегося и еще очень молодого парня. Человека с добрым и отзывчивым сердцем. Отличного работника, вместе с которым радостно и легко трудиться.

Рядом с этим человеком просто невозможно быть плохим. Иначе — как же ты будешь смотреть в эти ясные, добрые и строгие глаза.

Николай скромный и он не мог в этой книге писать о себе.

Сотни людей учились у этого человека любви к своему делу, учились жить по-партийному, по-коммунистически. Вместе с этими людьми рос и сам Николай Рой. Они, эти люди, дали ему рекомендацию в партию, они научили его свято уважать чувство коллективизма...

БОЛЬШАЯ бригада сейчас у Николая Роя — сорок пять человек. Много в ней совсем еще зеленых новичков. Тянется к Рою молодежь; просятся в его бригаду. Знают ребята — здесь они найдут настоящих друзей, товарищей. Да и поработать с таким бригадиром каждому охота.

Коллектив Роя борется сейчас за коммунистическое звание. Крепко борется. И конечно, завоеует его.

А вот сам Рой чуточку сомневается, когда мы говорим об этом:

— Дуже хлопцы разные. Вин яка орава — добрый взвод. Работают лихо, но разве в этом дело.

Понимаю сейчас твои мысли, Коля Рой. Хорошо понимаю. И верю, сильно тебе верю, дорогой мой человек, что ты победишь вместе с этим хорошим народом. Удачи тебе, друг.

Отв. за выпуск
В. МАХАЛОВ.

НАШЕМУ знакомству скоро минет полтора года. За это время мы успели неплохо узнать друг друга и стать хорошими товарищами.

И вот сейчас я стою с ним рядом возле огромного корпуса, построенного руками этого человека, и задаю ему обычный вопрос:

— Как ты живешь, Николай Рой?

Мы уже больше двух месяцев не виделись. И этот немного шуточный, немного официальный вопрос звучит сейчас почему-то серьезно.

А он смотрит на меня своими лучистыми, смеющимися глазами и отвечает с хитринкой:

— Дobre живу. Жена здорова. Дети тeж. Сам здоров как бугай. Чего ж еще?

И смеется по-мальчишески, радостно:

— Разумиешь хохлацку мову?

Всегда ты такой, Николай Рой. Я никогда не видел тебя раскисшим, недовольным и даже грустным. Это хорошо, что ты веселый человек. Радостно это.

Мы оба смотрим вперед на открывающуюся перед нами величественную панораму.

— Правда, здорово, Николай, — говорю я. — Давно ли был здесь пустырь. А теперь — завод. Зазнаешься, небось, строителем?

— Да, завод... — Как эхо откликается Рой.

И мы оба замолкаем на минуту. А рядом с нами тяжело громыхает бульдозер, сгребая строительный хлам в одну большую кучу. Ловко шуруют лопатами девчонки в цветастых косынках — грузят мусор на машину...

Весна пришла на стройку. А стройка последние дни носит свое гордое имя. Скоро, совсем скоро ее будут звать буднично и просто — цех капролактама. Шутка в деле — около двух десятков громадных корпусов, набитых оборудованием, и на тебе — цех. Хорошая скромность!

Скоро комплекс капролактама будет дышать полной грудью. И даст свою первую продукцию. Сейчас почти все

корпуса готовы к приходу эксплуатационников. Во многих из них уже идет наладка оборудования.

РАДУИСЯ, улыбайся, Николай Рой! Полтора года назад ты пришел сюда со своей братвой и положил первый кирпич в фундамент первого корпуса.

Это была поздняя осень. А потом зима — с жестокими морозами, с обжигающими ветрами. Ты помнишь эти дни, Николай Рой? А я их хорошо помню...

ДЕВЯТЬ часов вечера. Раскомандировочная ая прораба Лобанова. «Избушка на куриных ножках» — так называли ее строители за неказистый вид и тесные стены. Яростно дымит старенькая «буржуйка». У нее совсем инвалидный вид: труба обложена кирпичами, обмазана глиной — пластырь на пластыре. То и дело сердито хлопают двери. По одному и группами заходят строители, зло скрипят скамейками, курят медленными крепкими затяжками.

Для бригады Роя эта смена началась совсем неудачно: сначала не было кирпича, потом «застопорилось» с раствором. Вот почему и чертыхался прораб Василий Лобанов, придирчиво допрашивая шофера: — Нет, ты скажи, умная голова, кирпич на заврде есть? — Есть, — отвечает тот. — Поддонов полсотни — сам видел.

— Так какого же дьявола твои товарищи этот кирпич не возят! Чай что ли дома гоняют?

— Ребята не виноваты. Они свое отработали — и баста. А о второй смене ваше начальство не позаботилось. Поди, заявку на машины не подали? — неожиданно перешел в наступление шофер.

— А может, ваше начальство заявку сорвало? — усомнился Лобанов. — Может, и наше...

Николай Рой молча слушал этот запальчивый разговор. Подливать масла в огонь не хотелось. Ребята и так носы повесили. Развязал узелок с едой и озорная усмешка блес-